

Изъ записокъ короля Станислава Августа Понятовскаго.

Послѣдній король польскій—Станиславъ-Августъ Понятовскій,—этотъ „природный Пясть“, получившій престолъ изъ рукъ Екатерины II, былъ совершенно неподготовленъ и не подходящъ для той роли, которую ему пришлось играть волею судебъ. Онъ былъ легкомысленъ, безбоженъ, преданъ веселой, развратной жизни, мало интересовался судьбою Польши и не сумѣлъ снискать расположенія поляковъ, которые, видя, что онъ смотрѣлъ совершенно равнодушно, какъ гибло польское государство, подъ конецъ возненавидѣли его.

Великая драма, разыгравшаяся въ Польшѣ во время его царствованія, не произвела на него никакого впечатлѣнія. Когда подготовлялся раздѣлъ Рѣчи Посполитой, у него не хватило мужества стать на сторону партіи патриотовъ и вступить въ открытую борьбу съ сосѣдними государствами; онъ только мечталъ о томъ, чтобы сосѣднія государства „оставили ему кусокъ земли величиною хоть въ треугольную шляпу, на которомъ онъ могъ бы прожить до конца дней своихъ“. Эта мечта не осуществилась: послѣ отреченія отъ престола Понятовскому пришлось жить въ Петербургѣ; тутъ онъ и скончался (2 февраля 1798 г. въ Мраморномъ дворцѣ, гдѣ ему было отведено помѣщеніе по повелѣнію императора Павла; „Живя въ Петербургѣ, вдали отъ государственныхъ работъ, располагая своимъ временемъ, какъ частный человекъ, Станиславъ-Августъ началъ вести дневникъ, въ которомъ онъ тщательно отмѣчалъ все сдѣланное и все видѣнное имъ за день. Князь Адамъ Чарторый-

скій, проводившій зиму 1797—1798 г. въ Петербургѣ, видѣлъ его не разъ утрами, когда онъ нечесанный, въ халатѣ, писалъ свои мемуары“¹⁾).

Кромѣ дневника послѣ Станислава-Августа осталось много всевозможныхъ бумагъ: писемъ, замѣтокъ, записокъ. Онъ всю жизнь отмѣчалъ событія, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, хранилъ свою корреспонденцію, записывалъ свои впечатлѣнія и на основаніи этихъ замѣтокъ составилъ впоследствии свои записки, которыя были начаты имъ лишь въ 1771 г. и писались съ перерывами, болѣе или менѣе значительными въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Пролежавъ подъ спудомъ болѣе ста лѣтъ, онѣ издаются нынѣ иждивеніемъ Академіи Наукъ, при ближайшемъ участіи С. Горяинова, который въ обстоятельномъ предисловіи знакомитъ читателя съ исторіей этихъ объемистыхъ записокъ.

Онѣ писаны по-французски, подъ диктовку короля, его секретаремъ Христіаномъ-Вильгельмомъ Фризе, и снабжены и дополнены собственноручными замѣтками Станислава-Августа.

„По смерти короля, Фризе передалъ восемь переплетенныхъ томовъ князю Репнину, который препроводилъ ихъ по повелѣнію Императора Павла въ кабинетъ Его Величества, между тѣмъ какъ графъ Сергѣй Румянцевъ передалъ два непереплетенныхъ тома въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ“, откуда они перевезены впоследствии вмѣстѣ съ прочими бумагами на храненіе въ московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Король, при жизни, давалъ нѣкоторымъ лицамъ для прочтенія отрывки изъ этихъ записокъ. Такъ напр. князь Адамъ Чарторыйскій упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, что у него былъ въ рукахъ тотъ томъ записокъ, въ которомъ повѣствуется о посольствѣ Станислава Понятовскаго въ Петербургъ въ царствованіе Августа III“.

„Въ первой части записокъ Понятовскій повѣствуетъ о своей молодости, о своемъ путешествіи въ Вѣну, Лондонъ и Парижъ и о первомъ посѣщеніи имъ Петербурга въ 1755 году. Во второй части онъ описываетъ свое пребываніе въ столицѣ, возложенную на него дипломатическую миссію и отъѣздъ изъ Россіи въ 1758 г. Третья часть относится къ годамъ, предшествовавшимъ его вступленію на престолъ (1759—1764). Въ четвертой части описываются первые годы царствованія, поку-

¹⁾ Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. Tome I. St. Pétersbourg. 1914. (720 + I—XV стр.).

шеніе на его жизнь 3 ноября 1771 г. и процессъ царубійць. Въ пятой части описаны событія 1772—1773 г. Шестая заканчивается послѣднимъ засѣданіемъ сейма 11 апрѣля 1775 г. Въ седьмой описанъ сеймъ 1776 г. Восьмая заканчивается 1788 годомъ“.

Изданный нынѣ перзый томъ записокъ короля Станислава-Августа Поняговскаго содержитъ ихъ четыре первыя части. Описывая свое дѣтство и воспитаніе, которымъ руководила съ большой заботливостью его мать, „женщина во всѣхъ отношеніяхъ выдающаяся“, придававшая огромное значеніе выработкѣ въ сынѣ нравственныхъ правилъ, Станиславъ-Августъ объясняетъ недостатки, которые обнаружили въ немъ въ послѣдствіи слишкомъ строгими требованіями, которыя мать предъявляла къ нему съ ранняго дѣтства, изъ желанія, чтобы онъ былъ лучше сверстниковъ, чтобы онъ стоялъ выше ихъ нравственно.

„Видя недостатки умственнаго и нравственнаго воспитанія современной польской молодежи, мать требовала, пишетъ Поняговскій, чтобы я избѣгалъ говорить съ тѣми людьми, которые могли повліять на меня дурнымъ примѣромъ“. Но это было обоюдоостро. „Сознаніе, что я не дѣлаю того, что считалось предосудительнымъ въ другихъ дѣтяхъ, развило во мнѣ гордость и самомиѣніе. Стараясь отыскать людей во всѣхъ отношеніяхъ безупречныхъ, я почти ни съ кѣмъ не говорилъ, и число лицъ, полагавшихъ, что я ихъ презираю, было такъ велико, что въ 15 лѣтъ я уже имѣлъ враговъ; это избавило меня, впрочемъ, отъ дурной компаніи, весьма вредной для молодыхъ людей, и я сталъ презирать все неискреннее и двоедушное“.

Преждевременно развитая разсудочность, отсутствіе собственной дѣтямъ шаловливости и воспитанная съ дѣтства привычка относиться слишкомъ критически къ тому, что говорили и дѣлали окружающіе—таковы были свойства, привитыя Поняговскому воспитаніемъ, но это не спасло его отъ крайняго легкомыслія и не выработало въ немъ тѣхъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, которыя старалась привить ему мать. „Принимая во вниманіе мои лѣта и мое положеніе“, говоритъ Станиславъ-Августъ, „я вижу, что я слишкомъ рано сталъ относиться нетерпимо къ тому, что меня пріучили считать пошлостью и посредственностью, я, такъ сказать, слишкомъ рано пересталъ быть ребенкомъ. Теперь я вижу, что эта потеря невознаградимая, и очень горю объ этомъ. Я думаю, что нѣкоторая склонность къ меланхоліи, которая часто гнететъ меня, есть слѣдствіе слишкомъ рано привитаго и не свойственнаго мнѣ отъ

природы благоразумія, что не спасло меня однако отъ многихъ ошибокъ“.

„Въ шестнадцать лѣтъ я былъ прекрасно образованъ для своихъ лѣтъ: правдивъ, безпрекословно повиновался моимъ родителямъ, благоговѣлъ передъ ихъ душевными качествами, которыя по моему мнѣнію ни съ чѣмъ не могли быть сравнимы, и считалъ ничтожествомъ всякаго, кто не походилъ на Аристида или Катона.

„Что касается внѣшности, я былъ малъ ростомъ, коренастъ, неловокъ, слабъ здоровьемъ и во многихъ отношеніяхъ дикъ и чудаковатъ“.

Такимъ изображаетъ себя Станиславъ Понятовскій морально и физически въ тотъ моментъ, когда онъ покинулъ впервые родительскій домъ.

Это было въ 1748 г. Въ то время 36 тысячный корпусъ русскихъ войскъ, подъ командою кн. В. А. Репнина, шелъ черезъ Польшу на помощь Маріи Терезіи. Отецъ Станислава-Августа хотѣлъ, чтобы его сынъ принялъ участіе въ походѣ, но его еще не успѣли снарядить, какъ были подписаны предварительныя условія Аахенскаго мира, окончившаго войну за австрійское наслѣдство. Тѣмъ не менѣе Понятовскій, по желанію отца, отправился, въ сопровожденіи маіора Кенигсфельда, въ главную квартиру фельдмаршала Левендаля—въ Маастрихтъ.

Отпуская сына въ заграничное путешествіе, родители взяли съ него честное слово въ томъ, что онъ „не будетъ играть въ азартныя игры, не будетъ пить вина и крѣпкихъ напитковъ вообще и не вступитъ въ бракъ до тридцатилѣтняго возраста“.

Съ точки зрѣнія военной, заграничное путешествіе не принесло Станиславу-Августу никакой пользы, такъ какъ войска, въ то время какъ онъ доѣхалъ до Бельгіи, были уже распущены, но онъ съ большимъ увлеченіемъ и интересомъ осмотрѣлъ художественныя сокровищницы Фландріи.

По возвращеніи въ Варшаву, въ октябрѣ 1748 г., Станиславъ - Августъ былъ посланъ къ своему дядѣ, литовскому вице-канцлеру, князю Чарторыйскому. Человѣкъ высоко образованный, энергичный, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, Чарторыйскій былъ въ то время однимъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши. Онъ велъ обширную переписку съ польскими общественными дѣятелями, которые собирались часто въ его домѣ и вели съ нимъ оживленныя бесѣды о современномъ состояніи Польши и о дѣлахъ общественныхъ, которыя такъ или иначе на него вліяли. Отецъ Станислава

считалъ пребываніе въ домѣ Чарторыйскаго для своего сына наилучшей школой, гдѣ онъ могъ пріобрѣсти полезныя познанія, ознакомиться съ положеніемъ страны, съ надеждами и чаяніями поляковъ и пріучиться къ письменнымъ дѣламъ.

„Пробывъ около года въ домѣ вице-канцлера, я не получилъ однако того политическаго воспитанія, на которое рассчитывали мои родители“, говоритъ Станиславъ - Августъ; я никогда не проводилъ время такъ праздно; дядя не давалъ мнѣ никакого дѣла и рѣдко справлялся о томъ, даетъ ли мнѣ работу его старшій секретарь; онъ только наставлялъ меня, говоря со мною время отъ времени объ общихъ мѣстахъ; единственная польза, которую я извлекъ изъ этой школы, было знакомство со связями, какія онъ поддерживалъ въ особенности въ Литвѣ“.

Слабый здоровьемъ, то и дѣло прихварывавшій, Понятовскій былъ вскорѣ по возвращеніи отъ дяди посланъ родителями въ Берлинъ къ тогдашней знаменитости, доктору Либеркюну. Благодаря протекціи стараго друга его родителей, саксонскаго посланника при дворѣ Фридриха II Бюлова, который пользовался особымъ расположеніемъ короля, онъ былъ представленъ ко двору. Вотъ что записалъ Станиславъ - Августъ о своихъ берлинскихъ впечатлѣніяхъ.

„Вдовствующая королева и супруга короля прусскаго принимала два раза въ недѣлю иностранцевъ, мѣстныхъ дамъ нѣмецкаго происхожденія и немногочисленныхъ подданныхъ короля прусскаго, не состоявшихъ на военной службѣ; военные, всецѣло занятые военной муштрой, не имѣли времени бывать въ обществѣ; мнѣ говорили, будто королю прусскому извѣстно изъ минуты въ минуту, что дѣлаетъ каждый офицеръ; онъ не любитъ, чтобы они посѣщали общество. Въ силу этого и вслѣдствіе строгихъ требованій службы, часы которой не совпадаютъ съ распредѣленіемъ дамскаго дѣла, большая часть прусскихъ офицеровъ предавалась отъ скуки пьянству и разгулу, и они становились грубіянами и крикунами“.

„Когда я пріѣхалъ въ Берлинъ, короля не было въ столицѣ; онъ вернулся только три недѣли спустя. Я видѣлъ его два раза, и онъ оба раза говорилъ со мной. Фридрихъ II производилъ впечатлѣніе чловѣка, который стѣсняется въ обществѣ, считаетъ долгомъ сказать что-либо умнѣе другихъ и боится, что это ему не удастся.“

Онъ смотритъ угрюмо, блуждающимъ взглядомъ; въ немъ нѣтъ увѣренности въ себѣ; онъ одѣтъ грязно и въ его осанкѣ нѣтъ благородства; то же мнѣніе о его наружности высказы-

вали многіе другіе... Я видѣлъ въ Санъ-Суси комнату, гдѣ онъ обыкновенно живетъ и работаетъ, въ ней царствовалъ величайшій беспорядокъ: книги, бумаги валялись гдѣ попало; вездѣ валялись бумажки съ написанными его рукою стихами, даже мебель была нагромождена кое-какъ; прислужницы, которыя показываютъ публикѣ королевскіе дворцы и называются кастеляншами, говорили мнѣ, что имъ строжайше приказано ничего не перекладывать съ мѣста на мѣсто, когда король выходитъ изъ комнаты; я видѣлъ напр. въ Шарлоттенбургѣ, подъ диваномъ, мраморный бюстъ Юлія Цезаря, и меня увѣряли, что его не тронуть. Въ каждомъ дворцѣ, въ спальномъ покоѣ короля прусскаго висѣлъ расшитый кафтанъ изъ дорогой матеріи, но мнѣ говорили, что Фридрихъ никогда ихъ не носитъ. Я обратилъ вниманіе на эти кафтаны потому, что мнѣ казалось, что они висѣли только для вида и не гармонировали вовсе съ представленіемъ о домашнемъ нарядѣ философа-воина. Въ королевской спальнѣ въ Санъ-Суси я видѣлъ двѣ совершенно одинакія кровати, стоявшія рядомъ. Въ Берлинѣ злословили по поводу этихъ кроватей, но кастелянша увѣряла, что король переходитъ съ одной кровати на другую, когда его постель слишкомъ нагрѣтая; между тѣмъ онъ любитъ тепло. Комната, которую онъ занимаетъ лѣтомъ, расположена на югѣ, и однако ее топятъ чуть не круглый годъ ежедневно; говорятъ, что съ тѣми, кого король принимаетъ въ этой комнатѣ, не дѣлается дурно отъ жары“.

Въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ Понятовскій свое пребываніе въ Саксоніи, при дворѣ польскаго короля Августа III, гдѣ все дышало весельемъ, „всѣ были радостны и довольны и, повидимому, не имѣли иного дѣла, какъ веселиться“.

Шесть недѣль, проведенныхъ имъ осенью 1750 года въ Губертсбургѣ, охотничьемъ замкѣ Августа III, Понятовскій называетъ „счастливейшимъ временемъ своей жизни“. Въ охотничій сезонъ туда съѣзжались иностранные послы, аккредитованные при дворѣ короля польскаго, и всѣ знатные иностранцы, бывшіе въ то время въ Дрезденѣ; всѣмъ отводилось помѣщеніе и предоставлялось полное содержаніе отъ двора.

Великолѣпный лѣсъ, веселое, нарядное общество дамъ, составлявшихъ свиту королевы, любезное, привѣтливое обхожденіе короля, который въ Губертсбургѣ былъ доступенъ, разговорчивъ и ни чуть не походилъ на надменнаго, серьезнаго, угрюмаго, соблюдавшаго строгій этикетъ, Августа III, какимъ онъ держалъ себя въ столицѣ,—по вечерамъ спектакли, балеты,

ужины въ обширномъ, ярко освѣщенномъ, залѣ. Все это очаровало юнаго Понятовскаго.

Совершенно иное впечатлѣніе произвела на него послѣ Саксоніи Вѣна, съ ея импозантнымъ дворомъ, „о которомъ никто не позволялъ себѣ злословить“; тутъ, послѣ веселаго Губертсбурга, Понятовскій изрядно скучалъ.

По возвращеніи въ Варшаву, Станиславъ-Августъ, которому минуло тогда двадцать лѣтъ, былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ, который долженъ былъ этотъ разъ состояться въ Гродно.

Быть избраннымъ въ депутаты было дѣломъ нелегкимъ: мало было имѣть друзей въ какомъ-либо избирательномъ округѣ; надобно было добиться того, чтобы противъ кандидата не было подано ни одного голоса, а для этого приходилось скрывать, гдѣ ставишь свою кандидатуру, чтобы личный врагъ или соперникъ не повредилъ.

„Быть депутатомъ было не особенно интересно, говоритъ Понятовскій, ибо всѣ знали напередъ, что всякій сеймъ будетъ сорванъ, что король сеймами не интересовался такъ же, какъ и большинство министровъ. Между тѣмъ чтобы добиться жалкаго званія депутата, приходилось каждые два года ухаживать за сотнею лицъ, которыя по своему происхожденію имѣли неоспоримое право именоваться шляхтичами и землевладѣльцами-избирателями, хотя половина ихъ была безграмотна и большинство, въ то время или прежде, находилось въ услуженіи у тѣхъ же вельможъ, которые добивались теперь, чтобы эти шляхтичи подали голосъ за нихъ или за ихъ сыновей. На шумныхъ собраніяхъ, именуемыхъ сеймиками, приходилось съ утра до вечера молоть вздоръ, восторгаться болтовней шляхтичей, дѣлать видъ, что восхищаешься ихъ остротами, и обнимать и лобзать ихъ грязныя, вшивыя персоны. Въ виду отдыха приходилось десять разъ въ день *совѣщаться* съ вліятельными горожанами, или, лучше сказать, выслушивать подробности ихъ семейныхъ дразгъ, обсуждать съ ними вопросъ о томъ, кому изъ благородныхъ избирателей сколько заплатить; приходилось завтракать, обѣдать, закусывать, ужинать съ ними за грязными, плохо сервированными столами“. Продѣлавъ всю эту скучную и тягостную процедуру, Станиславъ-Августъ былъ избранъ депутатомъ въ сеймъ и осенью 1752 г. отправился въ Гродно.

„Надобно представить себѣ эту, якобы вторую столицу, гдѣ кромѣ королевскаго дворца было всего на всего два каменныхъ дома; всѣ остальные были деревянные, на видъ очень ветхіе и убогіе; но ихъ внутреннее убранство претендовало на извѣстную

роскошь, которая поражала еще болѣе потому, что рядомъ были явные слѣды варварства и обнищанія. Ни одна гродненская дама не могла себѣ представить сколько-нибудь приличнаго существованія безъ огромнѣйшей, богато отдѣланной галунами постели, въ то время, какъ стѣны въ комнатахъ не были ничѣмъ оклеены. У одной шляхтянки, которая хотѣла перещеголять другихъ, въ двухъ комнатахъ стояли двѣ громадныя кровати: изъ нихъ одна подъ балдахиномъ, обтянутымъ дорогой парчей. Эта особа была предметомъ всеобщей зависти въ Гродно. Но въ этихъ деревянныхъ особнякахъ или скорѣе лачугахъ жили прехорошенькія женщины; ихъ мужья были гостепріимны и у нихъ въ домѣ ежедневно танцовали. Какъ провинціалы, жители Гродно относились къ варшавянамъ съ особымъ почтеніемъ“.

Одновременно съ Станиславомъ Понятовскимъ пріѣхалъ въ Гродно сэръ Уильямъ (Charles Hanburg Williams), великобританскій посланникъ при прусскомъ дворѣ, съ которымъ онъ познакомился въ бытность свою въ Берлинѣ и, несмотря на разницу лѣтъ и положеніе, сошелся такъ близко, что въ Гродно они помѣстились въ одномъ домѣ, а затѣмъ посланникъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Варшаву, взялъ съ Понятовскаго слово, что если онъ поѣдетъ когда-либо въ Россію, то Станиславъ-Августъ будетъ сопровождать его.

Въ 1755 году Понятовскій получилъ отъ Уильямса письмо съ извѣщеніемъ, что онъ назначается посланникомъ при русскомъ дворѣ, и напоминаетъ о данномъ ему словѣ. Родители Станислава ухватились за случай послать сына въ страну, съ которой они давно считали нужнымъ познакомить его. Въ іюнѣ 1755 г. Понятовскій пріѣхалъ въ Петербургъ и помѣстился въ домѣ посланника.

„Время, проведенное мною въ домѣ Уильямса, было для меня хорошей школой, пишетъ онъ. „По дружбѣ и по довѣрію ко мнѣ, посланникъ давалъ мнѣ читать и расшифровывать самыя секретныя депеши. Это была своего рода наука, которую, при моемъ тогдашнемъ положеніи, я могъ пройти только въ его домѣ. Благодаря его дружескому ко мнѣ отношенію, мнѣ пришлось быть участникомъ въ одномъ анекдотѣ, настолько любопытномъ, что онъ можетъ заинтересовать дипломатовъ всей Европы.

„Дѣло въ томъ, что Уильямсу повелѣно было его правительствомъ начать переговоры о заключеніи союза съ Россіей, въ силу котораго русское правительство, за извѣстное вознагра-

жденіе, должно было предоставить въ распоряженіе англійскаго правительства 55 тысячный корпусъ сухопутнаго войска и извѣстное число военныхъ судовъ для дѣйствій противъ короля прусскаго; хотя его имя не упоминалось въ текстѣ договора, но границы его владѣній были обозначены такъ ясно, что недоразумѣній быть не могло. Вначалѣ переговоры шли весьма успѣшно, къ удивленію всѣхъ, кто зналъ, какъ медленно дѣлались въ то время дѣла при русскомъ дворѣ и какъ нерѣшительна была Императрица Елисавета Петровна. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени пріѣзда Уильямса въ Петербургъ, какъ договоръ былъ подписанъ. Уильямсъ рассчитывалъ получить соотвѣтственную благодарность, какъ вдругъ курьеръ, съ которымъ онъ ожидалъ получить ратификацію договора, привезъ ему письмо отъ статсъ-секретаря, въ которомъ тотъ писалъ: „Вы навлекли на себя неудовольствіе короля, унизивъ его достоинство тѣмъ, что ваша подпись стоитъ ниже подписи русскихъ министровъ; король не ратификуетъ подписаннаго вами договора до тѣхъ поръ, пока ошибка не будетъ исправлена“.

Пораженный этимъ извѣстіемъ, Уильямсъ тутъ только замѣтилъ ошибку, которая, собственно говоря, была не такъ велика, какъ полагали въ Англии, но имѣла для посла роковыя послѣдствія. Оказалось, что его подпись стояла первой на томъ экземплярѣ, который остался въ рукахъ русскихъ дипломатовъ: ихъ же подписи стояли на первомъ мѣстѣ на экземплярѣ, посланномъ Уильямсомъ своему монарху. Уильямсъ, два русскихъ дипломата, два русскихъ секретаря, секретарь Уильямса и я—семеро лицъ, заинтересованныхъ въ успѣхѣ переговоровъ, всѣ одинаково были виновны въ ошибкѣ, совершившейся волею судебъ. Въ первый моментъ казалось, что дѣло не трудно будетъ исправить, русскіе министры, которымъ пришлось выслушать выговоръ Императрицы, тотчасъ согласились обмѣнять экземпляры договора, и курьеръ Уильямса отправился обратно въ Англию. Первый разъ ему удалось совершить путь быстро, теперь же онъ былъ задержанъ въ пути противнымъ вѣтромъ и разными неблагопріятными обстоятельствами, и когда онъ вернулся, наконецъ, въ Петербургъ съ ратификаціей договора, обстоятельства совершенно измѣнились и дѣло приняло иной оборотъ. Слухъ о переговорахъ, которыя велъ Уильямсъ, дошелъ до свѣдѣнія короля прусскаго, а въ Англии узнали въ это время, что Австрія и Франція начали переговоры о заключеніи союза; это побудило англійское правительство войти поспѣшно въ сношеніе съ королемъ прусскимъ и заключить съ нимъ

соглашеніе, коимъ Георгъ II обязался не допускать вступленія въ Пруссію иностранныхъ войскъ.

„Такимъ образомъ договоръ, заключенный Уильямсомъ, потерялъ всякій смыслъ, и опасность, угрожавшая Пруссіи отъ сближенія Россіи съ Англіей, была устранена. Неудача, постигшая англійскаго посланника, навлекла на него неудовольствіе Императрицы и совершенно разстроила его здоровье“.

Уильямсъ сыгралъ огромную роль въ судьбѣ Станислава Понятовскаго: онъ былъ въ Петербургѣ его „повѣреннымъ, его совѣтникомъ и пособникомъ“ въ сближеніи Понятовскаго съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной, которая была въ ту пору въ самомъ расцвѣтѣ молодости и красоты.

„Какъ посланникъ, онъ могъ говорить съ личностью, къ которой я не имѣлъ возможности приближаться публично“, пишетъ Понятовскій, онъ облегчалъ наши сношенія.

„Ему же, Уильямсу, было поручено сообщить канцлеру Бестужеву тайну, которую тотъ не могъ вывѣдать болѣе полугода, несмотря на бдительность своихъ шпионовъ и на свое страстное желаніе направлять по своему желанію симпатіи великой княгини, которую онъ боготворилъ и въ которую едва-ли не былъ влюбленъ самъ. Всѣ его старанія дать ей фаворита по своему выбору были тщетны; онъ обратилъ одно время свое благосклонное вниманіе на нѣкоего графа Lehndroff'a, который былъ представленъ ко двору въ одинъ день со мною, и въ тотъ же вечеръ услужливые царедворцы расхваливали его великой княгинѣ. На эти похвалы она отвѣчала, что изъ этихъ двухъ лицъ ей болѣе понравился полякъ. Это вскользь брошенное слово, сказанное безъ всякаго умысла съ ея стороны, было подхвачено Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, въ то время камергеромъ великой княгини. Онъ познакомился со мною, постарался сблизиться, передалъ мнѣ ея слова, то и дѣло сообщалъ мнѣ все то, что могло возбудить во мнѣ какія-либо надежды, но я дотого былъ напуганъ рассказами о придворныхъ козняхъ и интригахъ и въ особенности объ интригахъ при русскомъ дворѣ, что долгое время избѣгалъ слушать то, что онъ мнѣ говорилъ.“

„Я наслушался рассказовъ о царствованіи Анны Іоанновны, одно имя которой заставляло русскихъ трепетать. Я зналъ, что моимъ предшественникомъ былъ Салтыковъ, котораго Императрица Елисавета Петровна удалила, возложивъ на него какую-то миссію въ Гамбургъ, впрочемъ, мнѣ было также извѣстно, что онъ далъ великой княгинѣ поводъ быть имъ недоволенной. Мнѣ

казалось, что для нея, главное, было удовлетвореніе ея честолюбія, и что всѣ ея симпатіи были на сторонѣ Пруссіи; между тѣмъ мнѣ съ дѣтства была внушена антипатія ко всему прусскому—мнѣ казалось также, что она относилась съ презрѣніемъ ко всему, что было по уму ниже Вольтера, словомъ, она казалась мнѣ совсѣмъ не той, какою она была на самомъ дѣлѣ, поэтому я цѣлыхъ три мѣсяца не поддавался уговорамъ Нарышкина.

„Онъ велъ себя какъ царедворецъ, угадавшій тайну, которую ему повѣрили и питающій въ тайнѣ надежду, что ему будетъ поставлена въ заслугу смѣлость, съ какою онъ хотѣлъ ускорить развязку, какъ бы противъ воли той особы, которой онъ служилъ. Онъ столько разъ говорилъ мнѣ обо всемъ этомъ, что мнѣ захотѣлось, наконецъ, попытать счастья, и я рискнулъ написать записочку, на которую Нарышкинъ на другой же день принесъ мнѣ отвѣтъ. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, я забылъ о томъ, что на свѣтѣ существуетъ Сибирь. Нѣсколько дней спустя, Нарышкинъ повелъ меня къ ней, предупредивъ ее объ этомъ только тогда, когда я очутился у дверей ея уборной. Былъ вечерній часъ; Великій Князь могъ каждую минуту появиться, и ей ничего не оставалось, какъ впустить меня къ себѣ и скрыть меня, иначе мы оба могли бы подвергнуться величайшей опасности.

Вотъ какъ описываетъ Понятовскій Екатерину Алексѣевну:

„Ей было 25 лѣтъ. Она только-что оправилась отъ первыхъ родовъ и была въ полномъ расцвѣтѣ своей обаятельной красоты. У нея были черные волосы, ослѣпительной свѣжести и бѣлизны цвѣтъ лица, большіе выразительные голубые глаза на выкатъ, черныя очень длинныя рѣзницы, нѣсколько заостренный носикъ, ротъ какъ бы созданный для поцѣлуевъ, очаровательная форма рукъ, гибкій, стройный станъ, быстрая и въ то же время благородная походка, пріятный тембръ голоса. Роста она была скорѣе высокаго, смѣялась заразительно. Живая и веселая отъ природы, она съ удивительной легкостью переходила отъ самой веселой чуть не дѣтской забавы къ умственной работѣ, какъ бы она ни была трудна. Стѣсненіе, въ какомъ она жила со времени своего замужества, отсутствіе подходящаго ей по уму общества, заставило ее пристраститься къ чтенію. Она обладала большими познаніями, была ласкова, привѣтлива, умѣла понять слабую сторону каждаго; она уже въ то время пролагала себѣ путь къ престолу, который она занимала впоследствии съ такой славой.

„Такова была возлюбленная, ставшая властительницей моей

судьбы; я готовъ былъ посвятить ей всю жизнь, говорю это гораздо болѣе искренно, нежели это говорится обыкновенно въ такихъ случаяхъ. По странной случайности, несмотря на свои двадцать два года, я принесъ ей въ даръ свою невинность...

„Не могу отказать себѣ въ удовольствіи описать нарядъ, въ которомъ я засталъ ее въ тотъ день: на ней было короткое бѣлое атласное платье, скромно отдѣланное кружевами и розовыми лентами. Она не могла дать себѣ отчета, какимъ образомъ я очутился у нея въ кабинетѣ; да я и самъ проходя, впоследствии въ дни пріемовъ, въ толпѣ придворной челяди, не разъ недоумѣвалъ, какъ я могъ проникнуть словно невидимкой въ тѣ мѣста, на которыя я не дерзалъ и взглянуть при постороннихъ.

„Выше я сказалъ, что Уильямсу было поручено сообщить Бестужеву объ участіи, которое принимала во мнѣ Великая Княгиня; это было необходимо, такъ какъ канцлеръ, пустившій въ ходъ всѣ пружины, чтобы вернуть Салтыкова изъ Гамбурга, гдѣ онъ проживалъ, долженъ былъ измѣнить свою тактику, ибо Великая Княгиня предпочитала высылать Салтыкову известную сумму денегъ, нежели видѣть его въ Россіи. Кромѣ того нужно было склонить Бестужева воспользоваться вліяніемъ Императорскаго двора на Саксонскій кабинетъ и добиться моего назначенія въ Петербургъ въ какомъ-нибудь офиціальномъ званіи.

„Четырехъ строчекъ, написанныхъ Великой Княгиней собственноручно, было достаточно, чтобы Бестужевъ обѣщалъ исполнить желаніе“.

А вотъ портретъ вліятельнаго въ то время канцлера Алексѣя Петровича Бестужева, набросанный Понятовскимъ.

„Если Бестужевъ не былъ заинтересованъ разговоромъ, онъ не могъ связать двухъ словъ и, казалось, будто онъ заикается; но какъ только бесѣда начинала интересоваться его, изъ его устъ лились потоки словъ и цѣлыя фразы, построенныя впрочемъ не вполне правильно, но полныя энергіи и огня; его маленькіе глазки начинали сверкать. Лицо его, багроваго цвѣта, было покрыто пятнами, которыя придавали ему очень страшный видъ, когда онъ сердился, что случалось частенько; смѣхъ его былъ сатанинскій.

„Онъ прекрасно говорилъ по-французски, но съ иностранцами, говорившими по-нѣмецки, предпочиталъ объясняться на этомъ языкѣ. Излагать свои мысли письменно онъ не умѣлъ ни на какомъ языкѣ и, не обладая, собственно говоря, никакими познаніями, только инстинктивно, но почти всегда пра-

вильно оцѣнивалъ трудъ другихъ людей. Онъ не имѣлъ никакой подготовки, чтобы судить о производствахъ искусства; между тѣмъ можно сказать навѣрняка, что изъ нѣсколькихъ рисунковъ онъ выбиралъ всегда самый красивый; такъ же точно онъ былъ способенъ оцѣнить благородство стиля въ архитектурѣ. Властвовать безъ помѣхи—было его страстью. Онъ могъ иной разъ поступить великодушно потому именно, что онъ чувствовалъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ, но ему казалось столь естественнымъ устранять со своего пути все, что мѣшало осуществленію его намѣреній, что онъ никогда не стѣснялся средствами. Предлагая оказать какую-нибудь услугу тѣмъ, кого онъ величалъ своими друзьями, онъ находилъ страннымъ, если люди стѣснялись пользоваться тѣми неразборчивыми средствами, къ которымъ онъ готовъ былъ прибѣгнуть.

„Бестужевъ былъ всецѣло преданъ Австріи и рѣшительный противникъ Пруссіи; внося во все извѣстную долю страстности, онъ отказался отъ милліоновъ, предложенныхъ ему королемъ прусскимъ, но безъ церемоніи не только принималъ то, что ему предлагали посланники Австріи, Англии, Саксоніи и другихъ дворовъ, сторону которыхъ онъ считалъ нужнымъ держать для блага Россіи, но въ бесѣдѣ съ ними даже самъ намекалъ на желательность получить отъ нихъ что-либо. Принять подарокъ отъ монарха дружественной державы было по его мнѣнію не только позволительно, но онъ считалъ это даже знакомъ уваженія, оказаннымъ могущественной странѣ, о славѣ которой онъ по-своему радѣлъ.

„По вечерамъ онъ обыкновенно напивался въ обществѣ одного или двухъ друзей. Ему случилось явиться выпивши къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, что очень повредило ему, такъ какъ Государыня ненавидѣла этотъ порокъ.

„Подъ вліяніемъ гнѣва онъ могъ быть жестокъ, но въ отношеніи своей жены, которую онъ называлъ Ксантипой, съ тѣхъ поръ, какъ кто-то рассказалъ ему исторію Сократа, онъ всегда былъ кротокъ и снисходителенъ. Бестужевъ познакомился съ ней и женился на ней въ Гамбургѣ. Она происходила изъ скромной семьи, была хороша собой, умна, обладала музыкальными способностями, но отличалась большими странностями. Она сумѣла взять верхъ надъ мужемъ, и я самъ, однажды, былъ свидѣтелемъ того, какъ за столомъ при постороннихъ, онъ молча выслушалъ цѣлый потокъ брани за то, что онъ порицалъ поведеніе ихъ сына; между тѣмъ, молодой человекъ былъ дѣй-

ствительно бездѣльникъ и сама Бестужева жаловалась на него постороннимъ и говорила: кто имѣть такого сына — несчастье.

„Ко мнѣ Бестужева благоволила, говорила, что я приношу ей счастье въ картахъ, усаживала меня за столомъ подлѣ себя, и за вторымъ блюдомъ начинала рассказывать скандальную хронику двора, при чемъ называла всѣхъ поименно и говорила не стѣсняясь такъ громко, что я трепеталъ отъ страха, хотя не могъ удержаться отъ смѣха.

„Несмотря на то, что Бестужева такъ часто и такъ неосторожно злословила объ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которой были извѣстны ея отзывы, Императрица относилась къ ней съ уваженіемъ“.

Подчиненіе, въ которомъ Императрица держала своего племянника, Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, было такъ велико, что когда онъ пригласилъ Понятовскаго дня на два въ свой загородный дворецъ въ Ораніенбаумъ, то ему пришлось испросить особое разрѣшеніе на то, чтобы я и шведъ—графъ Горнъ, могли посѣтить его.

„Я былъ счастливъ провести тамъ два дня, говоритъ Станиславъ-Августъ, хотя шпіоны, которыхъ Императрица держала при молодомъ дворѣ, зорко слѣдили за мной. Мнѣ еще никогда не приходилось такъ много пользоваться обществомъ Великой Княгини и прелестью ея бесѣды.

„Во время моего пребыванія въ Ораніенбаумѣ, я имѣлъ возможность содѣйствовать сближенію сэра Уильямса съ Великой Княгиней, что въ связи съ дружественной поддержкой, оказанной въ то время Екатериной Алексѣевнѣ королемъ англійскимъ, вѣроятно не мало способствовало ея симпатіи къ Англіи въ ущербъ Франціи“.

Въ бытность свою въ Петербургѣ Понятовскій заболѣлъ вѣтряной оспой; болѣзнь оказалась легкой и непродолжительной. „Когда я сталъ поправляться, говоритъ Понятовскій, меня навѣстила та личность, посѣщеніе которой было для меня особенно лестно; но послѣдствія, которыя могло имѣть это посѣщеніе, такъ страшили меня, что оно осуществилось противъ моего желанія; усугубивъ мою привязанность къ ней, оно вмѣстѣ съ тѣмъ усугубило и горечь предстоявшей разлуки.

„Я не могъ не повиноваться волѣ родителей, которые желали, чтобы я былъ, въ тотъ годъ, депутатомъ въ сеймъ. Великая Княгиня пересилила себя и согласилась на это, но съ затаенной мыслью устроить дѣло такъ, чтобы я вернулся въ Петербургъ и занялъ тамъ болѣе опредѣленное положеніе, ко-

торое дало бы мнѣ возможность бывать въ кругу лицъ, составлявшихъ ея общество.

„Я уже говорилъ, какимъ образомъ исполненіе этой воли было возложено на Бестужева. Для того, чтобы я могъ убѣдиться въ искренности его желанія устроить это, онъ прислалъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, по фамиліи Канцлеръ, съ письмомъ къ графу Брюлю, которое Канцлеръ запечаталъ при мнѣ печатью Бестужева, послѣ того какъ я прочиталъ письмо.

„Сѣра Ульямса случайно посѣтилъ въ тотъ день австрійскій посланникъ, графъ Эстергази; онъ зашелъ и въ мою комнату и засталъ у меня Канцлера; это обстоятельство, какъ онъ признался мнѣ впоследствии, когда мы сошлись съ нимъ ближе подтвердило его подозрѣніе относительно моей связи и послужило пищей для толковъ, которые ходили на мой счетъ и доводились до свѣдѣнія Императрицы Елисаветы.

„Какъ бы то ни было, я уѣхалъ въ началѣ августа, вмѣстѣ съ графомъ Горномъ...

„На другой день по приѣздѣ нашемъ въ Ригу, мнѣ доложили о приѣздѣ какого-то офицера, который желалъ видѣть меня, и въ комнатѣ появился небольшого роста невзрачный господинъ, который съ самымъ почтительнымъ видомъ остановился, держа въ рукахъ полуоткрытый футляръ, въ которомъ сверкали брилліанты; онъ бормоталъ какое-то привѣтствіе; я ничего не могъ понять, пока онъ не подалъ мнѣ письмо отъ вице-канцлера Воронцова и отъ камергера Ивана Ивановича Шувалова, фаворита Императрицы Елисаветы Петровны, извѣщавшей меня о пожалованіи мнѣ подарка, привезеннаго этимъ офицеромъ“.

„Я передаю эти ничтожныя подробности потому, что онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данномъ случаѣ ничто не могло смутить, а тѣмъ болѣе напугать меня, между тѣмъ какъ лица, старавшіяся повредить мнѣ въ мнѣніи Елисаветы Петровны, увѣрили ее, что при видѣ этого офицера я выказалъ величайшій испугъ, и изъ этого вывели заключеніе, что я имѣлъ причины бояться, а Императрица сказала на это: „знаетъ кошка чье мясо ѣла“.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

